

Ранним рождественским утром в гостиной дома Эвансов стоял настоящий галдеж.

Лили проснулась первой. В пижаме с мелким цветочным принтом, с растрепанной копной рыжих волос на голове, она босиком топала по лестнице и, заметив три шерстяных носка, висевших у камина, издала пронзительный визг — этот крик был настолько высоким, что на втором этаже в своей спальне мистер Эванс чуть не пролил кофе на постель.

Мам!! Пап!! В носках что-то есть!

Она бросилась к камину, сдернула свой темно-красный шерстяной носок, засунула руку внутрь и нащупала небольшой сверток, завернутый в белый носовой платок.

Ее руки дрожали, и ей потребовалось несколько попыток, чтобы развязать узел. Стоило платку развернуться, как в гостиной на мгновение воцарилась тишина: на ладони у нее лежал винно-красный гранатовый браслет, бусины которого были отшлифованы до гладких мелких крупинок и в утреннем свете отливали глубоким, теплым сиянием, словно застывший в камне густой сок летних ягод.

Лили открыла рот и долго не могла произнести ни звука. Она подняла браслет к окну, позволяя лучам света пройти сквозь эти темно-красные кристаллы, отчего на ее лице легло крошечное теплое алое пятнышко.

Это... мне? — ее голос прозвучал так тихо, будто она боялась кого-то разбудить.

Миссис Эванс подошла ближе, опустила взгляд на браслет, и в ее глазах мелькнуло удивление: Этот камень... выглядит очень качественным. Она подняла голову, огляделась у двери, затем посмотрела на улицу, словно пытаясь отыскать безымянного дарителя, но, разумеется, ничего не обнаружила.

Лили уже надела браслет на запястье, задрала руку, разглядывая его со всех сторон, и ее лицо озарила широчайшая улыбка: Я буду носить его каждый день!

Петунтия спустилась второй. Она появилась на несколько минут позже Лили, ее шаг был куда более размеренным, но когда она увидела алый браслет на запястье сестры, все же на миг замерла.

Она ничего не сказала, просто молча подошла к камину и нашла свой собственный молочно-белый шерстяной носок — внутри лежал точно такой же сверток в платке, только по форме он был чуть длиннее, чем у Лили.

Разворачивала платок она куда медленнее Лили, словно мысленно настраивая себя. Когда показалась каплевидная подвеска из топаза, ее пальцы замерли.

Это был камень невероятной красоты. От глубокого оранжевого до розовато-золотого — казалось, будто в прозрачном кристалле запечатали последний закатный отсвет вечернего неба.

Изогнутые колечки из тонкой серебряной проволоки выглядели миниатюрно и изящно, и все ожерелье переливалось в зимнем утреннем свете теплым сиянием, словно крошечная горсть пойманного и спрятанного солнца.

Петунтия держала его в руках и долго молча.

...Что это за камень? — наконец произнесла она, и голос ее прозвучал ниже обычного.

Мистер Эванс подошел поближе, чтобы взглянуть, и поправил очки: Такой цвет... похож на топаз. Если он настоящий, то стоит целое состояние. Он многозначительно посмотрел на жену, и они обменялись озадаченными взглядами.

Петунтия сжала ожерелье в ладони, кончиками пальцев осторожно глядя гладкую подвеску. Она не стала надевать украшение сразу, как Лили, но сжала его так крепко, что костяшки пальцев побелели.

Она бросила взгляд в сторону лестницы — она знала, что белая лиса все еще спит наверху. Она знала, что в последнее время эта лиса то и дело куда-то убегает, а возвращаясь, каждый раз приносит на лапах влажную грязь и холодную речную воду. Она знала, что порой для понимания истины не нужны доказательства.

Она осторожно надела ожерелье. Золотая цепочка выгодно оттеняла ее светло-голубой свитер, а оранжево-золотая подвеска как раз пришлась на ямочку ключицы, словно маленькое теплое солнышко.

Она не сказала спасибо. Но за завтраком тайком положила в твою миску еще один кусочек бекона.

Ты лежал на площадке второго этажа, наблюдая за всем происходящим, и кончик твоего хвоста легко постукивал по полу.

Оставался еще один подарок, который нужно было достать.

Утреннее солнце косыми лучами падало на крыши Прядильного тупика, и лежавший снег слепил глаза ослепительно-белым сиянием. Ты ускользнул из дома Эвансов, прошел по затянутым ледком улицам, обогнул тот самый мусорный бак и вечно сидевшую на нем черную кошку, а затем влез в знакомое окно кухни дома Северуса.

Внутри пахло смесью дешевого табака и прогорклого масла. Сверху доносился храп — Тобиас

все еще спал, снова напившись за полночь. Ты на цыпочках поднялся по лестнице и лапой толкнул дверь в комнату Северуса.

Его не было.

Постель не убрана, одеяло откинута наполовину, на подушке осталась вмятина. На письменном столе развернута книга на середине, возле подсвечника застыла капля воска. Из окна тянет холодным сквозняком — он, наверное, снова сидел на подоконнике с книгой и забыл закрыть его как следует.

Ты запрыгнул на его кровать. На простыне все еще сохранялся его запах — старые страницы, лекарства и капелька хозяйственного мыла. Ты примостился рядом с его подушкой и положил сверток в носовом платке прямо у него в изголовье.

Кончиком носа ты аккуратно подцепил краешек платка, обнажая уголок темно-зеленого диска с отверстием — густой, почти черный нефрит в тусклом свете отзывался глубоким, темным сиянием, словно вода на дне самого глубокого зимнего озера.

Ты наклонился и коснулся его носом, подтолкнув чуть ближе к углублению на подушке, чтобы он непременно почувствовал вещь, когда ляжет.

Затем ты отступил на два шага и окинул все критическим взглядом.

Нет, слишком заметно. Ты снова подался вперед, перевернул платок, завернув всё как следует, и засунул под подушку так, чтобы остался лишь едва заметный бугорок. Теперь, ворочаясь во сне, он непременно наткнется на что-то твердое, а сунув руку, сразу же нащупает подарок.

Довольный, ты спрыгнул на пол, направился к двери и на миг обернулся, бросив прощальный взгляд на злополучную подушку.

Ты представлял, как он вернется в комнату, снимет старое пальто, присядет на край кровати, по привычке молча опустя голову, а потом ляжет и почувствует что-то под подушкой.

Он протянет руку и нащупает маленький сверток в платке. Развернет его, увидит темно-зеленый кулон, положит на ладонь — тяжелый, теплый, гладкий, — который безмолвным взглядом посмотрит на него в ответ.

Какое же у него будет выражение лица?

Ты не стал развивать эту мысль дальше. Выпрыгнув в окно, ты приземлился в заснеженный двор, твои четыре лапы утонули в сугробе, и от пронизывающего холода ты инстинктивно втянул голову в плечи.

Оглянувшись на закрытое окно, ты развернулся и, ступая след в след по собственным следам, вприпрыжку побежал обратно к дому Эвансов.

Днем Лили расхаживала по гостиной в браслете, каждые несколько минут вскидывая руку, чтобы взглянуть на него, и не могла сдержать счастливой улыбки.

Петунтия сидела на диване, делая вид, будто читает книгу, но ее свободная рука то и дело машинально гладила подвеску на груди, кончиком пальца вновь и вновь очерчивая каплевидный контур.

Миссис Эванс хлопотала на кухне, готовя рождественский обед и напевая старинный гимн; стук лопаточек и аромат запеченной индейки смешивались в воздухе.

Ты дремал перед камином, и волны мягкого жара обдавали тебя с головой, отчего веки становились все тяжелее. На грани сна и явь ты думал о том, вернулся ли Северус в комнату, заметил ли маленький сверток, сжал ли его в ладони, изогнулись ли хотя бы на мгновение уголки его губ?

За окном снова повалил снег.

— — —

Когда Северус вернулся в Пряильный тупик, уже совсем стемнело.

Зимний день был до обидного коротким, и около четырех часов уже вовсю царил тьма. Он толкнул скрипучую заднюю дверь, и в нос ударил густой запах вчерашнего алкоголя и остывшей еды.

Тобиас развалился на диване, содрогая стены раскатистым храпом, а пустая бутылка из-под выпивки катилась по полу прямо у его ног. Эйлин сидела в кресле в дальнем углу, сжимая в руке наполовину вышитый носовой платок, и остекленевшим взглядом смотрела на догорающие в камине угли — она даже не подняла головы, когда сын вошел.

Не задерживаясь, он напрямик направился вверх.

Стоило ему распахнуть дверь собственной комнаты, как в лицо пахнуло знакомым сырым холодом. Внутри царил полумрак, и лишь слабый серо-голубой свет с улицы с трудом вырисовывал очертания мебели.

Он затворил за собой дверь, прислонившись спиной к полотну и прислушиваясь к доносящемуся снизу невнятного бормотанию пьяницы и сдавленными вздохами матери, и его плечи медленно опустились.

Подойдя к постели, он механически сбросил старое пальто с истертым и покрытым катышками воротом, бросив его на спинку стула. Затем наклонился, чтобы поправить постель — перед сном он всегда аккуратно разглаживал простыню, хотя та была донельзя тощей и ветхой, ему всё равно хотелось, чтобы все выглядело опрятно.

Его пальцы коснулись чего-то чужеродного под подушкой.

Это не был резкий бугорок, лишь легкое уплотнение, совсем не похожее по жесткости на вату. Парень замер, пальцы застыли на месте, и на мгновение у него даже перехватило дыхание.

Он медленно приподнял уголок подушки.

В щели между матрасом и подушкой обнаружился аккуратно сложенный белый носовой платок. В сумерках из-под него выглядывал крошечный участок темно-зеленого блеска, напоминающий отражение в темной глади лесного озера.

Северус долго смотрел на этот платок. Так долго, что небо за окном потемнело еще на оттенок, а в груди зазвучал тяжелый, размеренный стук собственного сердца.

Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся ткани. Очень чистой, с едва уловимым ароматом солнечного тепла — совсем не такой, как сырой, затхлый воздух Прядильного тупика, а той самой яркой и чистой солнечной погодой, которую он видел лишь на книжных иллюстрациях.

Медленно вытянув платок наружу, он развернул его прямо на простыне.

Внутри лежал круглый нефритовый кулон. Гладкий, отполированный до мягкого блеска камень в слабом освещении отливал глубокой, почти черной зеленью — такой густой, что она казалась чернильной, но стоило изменить угол наклона, как изнутри проступал живой, полный покоя зеленый оттенок. В отверстие кулона была вде́та крепкая черная нить, завязанная аккуратным и надежным узлом.

Северус не стал сразу брать его в руки. Он просто смотрел.

Он узнал этот камень. Он видел такой в найденном на развалах старых книг атласе минералов и драгоценных камней: жадеит, причем старой горной добычи и потрясающего качества, а столь насыщенный оттенок именовался императорским изумрудом.

Он прекрасно понимал, что это значит: перед ним не валявшийся у дороги красивый камешек, а настоящее сокровище, на приобретение которого ушли колоссальные силы, время и средства.

Кто это?

В голове вихрем пронеслись догадки. Лили? Исключено, она бы не стала дарить ему подобные вещи, да и откуда ей знать про его слабость коллекционировать камни. Петунтия? Тем более нет. Тобиас с Эйлин? Это вообще звучало как дурная шутка.

Его взгляд опустился на кулон и плавно перетек к распахнутому окну — тому самому проходу, через который он привык лазать сам и который оставлял незапертым для тебя.

Смутная догадка оформилась в голове. Он вспомнил, как в последнее время ты то и дело куда-то убегал со странным видом, возвращаясь каждый раз с лапами, испачканными в холодной речной грязи; вспомнил, как порой ты подолгу засматривался на его подушку, бессознательно покачивая кончиком хвоста; вспомнил, как сегодня утром снизу донеслись восторженный визг Лили и приглушенные, полные изумления слова благодарности Петунтии.

Вот оно что.

Оказывается, рождественские подарки достались не только им. У тебя тоже нашелся для него подарок.

Северус наконец протянул руку и легонько коснулся кулона подушечкой пальца. На ощупь камень был ледяным, но под кожей тепло ладони мгновенно согрело этот холодок. Он поднял его, поднеся к самым глазам.

Темно-зеленый нефрит казался крошечным в его пальцах, отчего бледная кисть выглядела еще более худой и тощей. Сквозь полупрозрачный край камня были видны последние лиловые отсветы заката за окном, а также его собственный размытый силуэт — бледный, с сальными волосами и в старой одежде мальчишка бережно держал на ладони бесценное сокровище с таким растерянным лицом, будто ему снился сон.

Ему вдруг одновременно захотелось рассмеяться и заплакать.

Он вспомнил прошлогоднее Рождество, когда единственным его подарком стал слепленный из дешевого шоколада снеговик, купленный Эйлин на рынке за пару медяков — тот растаял и потерял форму еще до того, как закончились праздники.

Он вспомнил насмешливый голос Тобиаса, разглядывавшего того шоколадного снеговика: Разве нищетоброды способны купить что-то стоящее?

А теперь в его руке лежал настоящий, первоклассный нефрит.

Он крепко сжал кулон в ладони, зажав его так сильно, что твердые грани больно впились в кожу. Затем он опустил голову, прижавшись лбом к коленям, а свободную руку прижал к лицу, не позволяя себе издать ни звука.

Плечи мелко дрожали.

Не от холода. Оттого, что он не знал, как с этим справиться. Оттого, что он получил первый в своей жизни по-настоящему принадлежавший только ему подарок — без единой подачки, без каких-либо условий.

Потому что вещь была слишком ценной, до безумия ценной, заставляющей чувствовать себя недостойным обладать ею. И появилась она в самый нужный момент — как раз тогда, когда он уже смирился с тем, что проведет еще одно унылое Рождество в этом пропитанном алкоголем и бранью доме.

Снизу донесся тяжелый топот: проснувшийся Тобиас громко требовал воды. Эйлин в панике засуетилась, отвечая на зов.

Северус резко вскинул голову и яростно растер глаза рукавом. Он торопливо свернул платок обратно, засунув под подушку, крепко зажал кулон в кулаке, соскочил с кровати и в пару шагов преодолел расстояние до старого шкафа, вытащив из самой глуши относительно приличную рубашку, которую почти никогда не носил.

Он сунул нефрит в нагрудный карман рубашки, прямо к бьющемуся сердцу. Затем оделся, застегнув пуговицы под самый воротник.

Покончив с этим, он подошел к окну и распахнул его настежь.

Холодный ночной ветер ворвался в комнату, взлохматив его сальные черные волосы. Высунувшись наружу, он глубоко вдохнул морозный воздух в направлении дома Эвансов, туда, где, как он догадывался, сейчас лежал притаившись ты.

Он ничего не сказал.

Но достал кулон из нагрудного кармана, крепко сжал в ладони и на мгновение прикоснулся им к губам.

Затем он бережно вернул его на место и закрыл окно.

В комнате вновь воцарились полумрак и тишина. Снизу донесся звон разбитой Тобиасом чашки. Но Северус сидел на краю кровати с абсолютно прямой спиной, а на его губах застыла еле заметная, едва уловимая тень улыбки.

Он получил свой рождественский подарок.

Получил.

Это Рождество выдалось на славу.

<http://bllate.org/book/21197/2145821>